

Soman Chainani

Rise of the School for Good and Evil

Text copyright © 2022 by Soman Chainani

Illustrations copyright © 2022 by RaidesArt

All rights reserved.

© Захаров А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

[Соман Чайнани](#)

«Школа Добра и Зла. Рассвет»

Перо записывает имя нового Директора. Но на этот раз оно записывает не одно имя, а два.

Имя пера – Сториан.

Оно длинное, стальное, заостренное с обоих концов.

Оно взлетает в воздух над двумя юношами, его наконечник похож на глаз.

А потом оно говорит.

Голос теплый, не старый и не молодой, ни мужской, ни женский:

*Нужны бессмертия вам дар
И вечной юности искра,
И потому нам с вами по пути;
На братьев двух мой выбор пал:
Он – воплощение добра,
А он – зло во плоти.*

*И верность крови навсегда важнее
всех других.
Пока меж вами есть любовь –
в балансе мир затих.
Добро и зло, вы в сочетании!
Директор Школы, вот ваш час:
Пройти должны вы испытанье,
И лишь любовь проверит вас.
Её предать ошибкой будет,
Сотрётся жизни вашей нить,*

*Другой на смену вам прибудет.
Пора нам клятву закрепить!*¹

Юноши, близнецы с совершенно одинаковыми лицами, так и поступают.

Райен, с золотистой кожей и растрепанными волосами, поднимает руку.

Перо раскаляется и впивается в его ладонь, Райен кричит.

Затем Рафал, с молочно-белой кожей и волосами, подобными серебристым колючкам.

Перо втыкается и в его ладонь, Рафал даже не вздрагивает.

Перо больше не светится, его сталь снова холодна.

Близнецы смотрят друг на друга, сгорая от вопросов.

Но задают они в конце концов лишь один.

– Что случилось с прежним Директором?

Перо не отвечает.

Вместо этого из теней звучит голос.

Голос старика.

– Я провалил испытание.

Часть I. Плохая магия

Глава 1

Если бы не мальчик по имени Аладдин, Школа Добра и Зла, возможно, ни за что бы не начала похищать Читателей вроде вас.

Вы бы спокойно спали в своих кроватях, а не оказывались в мире, где для кого-то сбываются сказки... а кто-то погибает.

Но вся эта история началась именно с Аладдина.

История о том, что же случилось с Директорами. С двумя братьями, добрым и злым, которые руководили легендарной школой.

Но Аладдин даже представить себе не мог, что он – часть большой истории. Он слишком много думал о волшебной лампе.

Он должен был работать в семейной швейной мастерской, но, как обычно, выскользнул на улицу, едва отец отвернулся, и побежал на рынок Махаба искать удачи. Махаба будоражила его – запахи, звуки, *девушки*, – и один-единственный час, проведенный там, стоил тысячи дней в мастерской. Аладдин знал, конечно, что должен там работать, что хороший сын должен делать что говорят... но портные не женятся на дочках султанов, а именно об этом он мечтал – о царевне, о короне, об уважении народа, – о том уважении, которого не получал ни от кого.

– С добрым утром, Раджа! Весь в заботах? – поприветствовал Аладдин торговца фруктами.

Раджа недобро взглянул на него.

– Отличный день, Шилпа! Посмотри, какая толпа собралась! – сказал Аладдин торговцу рыбой.

Шилпа плюнул в его сторону.

– Сыграем в кости, Бассу? – спросил Аладдин тощего мужчину на углу.

Бассу убежал.

Аладдин вздохнул и спрятал руки в карманах потрепанной синей куртки. Он имел репутацию вора, мошенника и лодыря, но что еще оставалось? У него не было ни денег, ни имени, ни положения, а чтобы заработать все это, иногда приходится срезать углы. А сегодня день был для этого просто идеальный – людей на рынке собралось словно на празднике – целая толпа детишек, вокруг которых суеились родители и покупали им любимые сладости. Аладдин никогда не видел Махабу такой, даже на Новый год...

И тут, проходя мимо переулка, он услышал разговор двух хорошо знакомых людей: Салима и Асима.

– Это *та самая* волшебная лампа! – сказал Салим.

– Откуда она у тебя? – спросил Асим.

– Султан нашел Пещеру Желаний, но его караван ограбили разбойники на обратном пути во дворец, – признался Салим. – Разбойники не знали, что эта лампа – настоящее сокровище, поэтому продали ее мне.

– Ну, тогда загадывай три желания! – сказал Асим.

Аладдин тут же наострил уши. О волшебной лампе рассказывали легенды тысячелетиями, но никто ее так и не нашел. А теперь она вдруг оказалась в руках простых воров?

– Ага, ну да, охотно верю, – сказал Аладдин, сворачивая в переулок.

Салим тут же спрятал лампу...

– Да я уже ее видел. Определенно подделка, – фыркнул Аладдин и дунул на свои непослушные черные волосы. – Но давай, попробуй. Докажи, что эта лампа волшебная. Докажи, что она вообще хоть чего-то стоит.

Салим и Асим переглянулись.

Потом Салим поднял лампу и потер ее ладонью...

И вдруг лампа засветилась, и из ее носика повалил густой красный дым – но Салим заткнул его пальцем, и лампа снова погасла.

– Не хочу выпускать джинна тут, а то султан всех нас бросит в тюрьму, – предупредил он.

Глаза Аладдина сверкнули. Лампа... *настоящая*?

Он бросился вперед.

– Продай ее мне!

Салим засмеялся.

– Она не продается, дурачок.

– В этом мире продается все, – настаивал Аладдин.

– Но не это, – глумливо ответил Асим. – И уж точно не крысе, которая обманула нас с Салимом и лишила заработанных тяжким трудом денег.

– Беспольной крысе, запятнавшей репутацию семьи, – добавил Салим.

Аладдин улыбнулся, стиснув зубы. Пусть оскорбляют сколько хотят. Когда люди торгуются, побеждает тот, кто больше хочет, а Аладдин не просто хотел лампу. Она была ему *необходима*. Он уже представлял, какую царевну себе пожелает... каким уважаемым всеми человеком станет...

– Давайте сыграем в кости, – настаивал он. – Если я выиграю, то забираю лампу. Если вы выиграете, то я возьму вам все, что когда-либо у вас украл, и нога моя больше не ступит на рынок Махаба.

Он думал, что его предложение просто высмеют – у него и на обед-то денег не было, не говоря уже о каких-нибудь накоплениях... но, к изумлению Аладдина, Салим и Асим загадочно переглянулись.

– Хм-м, – сказал Салим. – Он столько денег у нас выманил, что, если вернет сразу все, мы сможем купить по домику на Бахимском взморье...

– Да еще и никогда больше не увидим его гнилую, грязную рожу... – добавил Асим.

Они повернулись к Аладдину.

– Договорились.

– Договорились? – пораженно переспросил Аладдин.

– Больше шести – ты выиграл, меньше шести – мы выиграли, – сказал Асим.

Аладдин понял, что нельзя больше терять времени. В левом кармане у него были специальные кости, на которых всегда выпадало больше шести, в правом – другие кости, на которых выпадало меньше шести. Он достал кости из левого кармана и бросил их на грязную мостовую.

– Я выиграл, – торжествующе сказал Аладдин и протянул руку. – Отдавайте лампу.

– Ты жульничал... – запротестовал Салим.

– Уговор есть уговор, – твердым голосом перебил его Аладдин.

Воры переглянулись. С тяжелым вздохом Салим протянул ему лампу.

Аладдин, что-то насвистывая, ушел, спрятав свое сокровище под куртку.

Он не видел расплывшихся в ухмылках лиц двух воров, которых он только что обыграл.

Глава 2

Скоро он загадает желания. Царевну-невесту. Корону султана. И чтобы его имя навсегда запомнили...

Но сначала придется очистить нужники.

Так он расплачивался за отлынивание от работы. Это лучше, чем лечь спать без ужина, – несколько раз мама наказывала его именно так, но потом поняла, что он с удовольствием умрет от голода, лишь бы не работать, так что ей пришлось придумать что-то другое.

– Да на что ты вообще годен! – закричала она из кухни, когда он начал оттирать уборную. Аладдин, впрочем, наелся куриного супа и плова с вишнями, поэтому даже не ответил.

Вернувшись домой, он спрятал лампу под кровать. Как только родители заснут, он сразу же вынесет ее в сад и загадает первое желание – выпускать джинна в домике с такими тонкими стенами – не самое умное решение. Мама тем временем закричала еще громче:

– Сына Хагрифы точно заберут в Школу Добра, и он станет богатым и знаменитым. А что мой сын? Воруется *пани пури*² и обманывает людей на рынке Махаба. Думаешь, я не знаю? Да все это знают!

Аладдин замер. Он и забыл, что сегодня Ночь Похищения.

Он выглянул на улицу – на подоконниках соседних домов лежали кусочки халвы и медовое печенье, чтобы привлечь внимание Директора школы. Понятно теперь, почему на

рынке такая толпа! Матери и отцы тащат детей на рынок Махаба, думают – и надеются! – что это их последний день вместе. Что сегодня придет Директор школы и унесет их сыновей и дочерей туда, где рождаются легенды. Если ребенок станет всегдашником или никогдашником, его родители прославятся на всю Шазабу. Их будут приглашать на самые пышные пиры, предлагать им лучшее место в харчевне Гити, даже сам султан пришлет им цветы! Конечно, большинство детей из Шазабы попадали в Школу Добра, потому что Шазаба – царство всегдашников, одно из многих затерянных в Бескрайних лесах. Но иногда забирали отсюда и будущих никогдашников, потому что вне зависимости от того, зовет себя царство добрым или злым, в нем будут появляться мятежные души.

Впрочем, к Аладдину все это не относилось. Он был эгоистом и вором, но не злодеем – его душа не настолько прогнила, чтобы попасть в Школу Зла. Он ведь однажды поделился фисташковым пирожным с бродячей собакой, не забыли? (Да, пирожное он украл, но кого это интересует?) А одной девочке в школе он помог с домашним заданием (и это никак не связано с тем, что она красивая). С другой стороны, добрым он тоже не был – с этим согласились бы даже его родители. Школа Добра – для других детишек. Тех, кто рожден для светлых путей. Тех, кому было не так трудно понять, куда же идти дальше.

Но все наконец-то окупилось. Аладдину больше не нужно в Школу Добра и Зла, чтобы осуществить мечты. Теперь у него есть лампа – *та самая* волшебная лампа, которая подарит больше богатства и власти, чем даже у Директоров школы. Люди наконец-то обратят на него внимание. Узнают его имя.

Но как заставить лампу работать? Салим ведь просто потерял ее, правильно? Или есть еще какое-то волшебное слово? Ладно, он разберется. Сначала нужно закончить уборку и притвориться спящим, пока отец не вернулся домой, иначе его ждет еще целый час нотаций...

Открылась входная дверь.

– Аладдин! – загремел мужской голос.

Мальчик осел у стены.

Все было бы не так плохо, не плюхнись отец на кровать Аладдина – прямо туда, где он под матрасом спрятал лампу. А отец был таких внушительных размеров, что мальчик боялся, что он сейчас раздавит лампу прямо вместе с джином.

– Чего ты ищешь, Аладдин? – начал отец – он взбежал по лестнице на второй этаж и обливался потом. – Что уводит тебя далеко от моей мастерской?

Аладдин представил, как вместе с прекрасной царевной живет во дворце в тысячу раз больше этого дома, где на каждой двери – замки, чтобы никто не смог войти без его разрешения. Во дворце, который он себе пожелает, как только отец уйдет из комнаты.

– Аладдин?

– Хм-м? – спросил мальчик.

Отец пронзительно взглянул на него.

– Мне кажется, ты не хочешь работать в моей мастерской, потому что думаешь, что тебе уготована лучшая участь. Что ты станешь богачом, поселишься в высоком замке и женишься на дочке какого-нибудь царя или короля вместо того, чтобы скромно трудиться, как все мы. Ты гоняешься за призраками, хотя перед тобой вполне хорошая жизнь. Такое никогда не кончается хорошо. Это тебе скажет любой, кто читал сказки Сториана.

«Ты не веришь в меня, – подумал Аладдин. – Думаешь, что я не смогу завоевать такую девушку, что из меня ничего не выйдет. Вы с мамой считаете, что я ничего не стою, – как и Салим».

Но вслух он ничего из этого не сказал. Лишь зевнул.

– Да, папа.

– Значит, завтра ты с утра придешь на работу?

– Да, папа.

– Молодец.

Он обнял Аладдина, потом вышел и захлопнул за собой дверь. Мальчик тут же вытащил лампу из-под матраса.

Маленькая, бронзовая, похожая на чайник с длинным носиком, украшенная сложным узором из звезд и лун. На поверхности не было ни царапин, ни вмятин, но Аладдин решил, что лампа очень, очень старая. Сколько она пролежала в Пещере Желаний вместе с джинном, ждавшим, когда же у него появится новый хозяин? Как давно судьба предначертала тот день, когда *он*, Аладдин, станет этим новым хозяином? Он поднес лампу ближе и всмотрелся в отражение своего большого носа и густых бровей. Внутри таилась та жизнь, что была предназначена ему на самом деле. Любовь и уважение, которые он заслуживал.

Он почти коснулся лампы ладонью...

Дверь задрожала от громкого стука.

– Хагрифа, Мурли и Рупа выставили для Директора школы свои лучшие *ладду*³! – рявкнула мама. – Они спросили, а что я сделала, чтобы его поприветствовать? Знаешь, что я ответила? Что я прячусь от стыда!

Аладдин задул свечу и захрапел, притворяясь спящим. Он спрятал лампу под рубашкой, ощутив холод металла на коже. Скоро родители лягут спать, и он получит свой шанс. Ну а пока полежит и обдумает желания...

Глава 3

Разбудили его неожиданный холод и свист ветра.

Аладдин резко сел в кровати и увидел, что окно открылось и впустило в комнату воздух ноябрьской ночи. Лампа скатилась на пол и валялась возле кучи грязной одежды.

Сколько он проспал? Родители сейчас уже точно должны спать. Он схватил лампу и надел куртку, собираясь выйти в сад и призвать джинна. Но сначала он закрыл окно и посмотрел на луну, освещавшую темную улицу...

И отшатнулся.

За окном кто-то был.

Тень с сияющими синими глазами.

Она прижалась к стеклу.

И открыла окно.

Аладдин бросился к лестнице, но тень схватила его за воротник и вытащила на улицу.

Мальчик даже не вскрикнул – настолько его поразило происходящее. Но потом он все же собрался с мыслями и понял, что его похитило чудовище – чудовище, у которого *нет лица*. Он попытался схватить тень, но рука прошла сквозь нее. Перепугавшись еще больше, Аладдин замахал руками, задрогал ногами, но тень окинула его строгим взглядом и потащила по траве – все быстрее, быстрее и быстрее, крепко держа за воротник. Потом

она размахнулась мальчиком, словно метательным молотом, и подбросила футов на сто в воздух...

И его поймала птица.

Если, конечно, существо с *шерстью* можно назвать птицей.

У нее была гладкая, будто бархат, кожа, голову покрывали блестящие черные перья, а заканчивалась голова острым клювом – словно нетопырь женился на вороне, а отпрыск намного перерос их обоих. С яростным визгом птица усадила Аладдина себе на спину, расправила крылья и, часто и неглубоко дыша, бросилась вперед, влетая прямо в грозовую тучу. Вокруг, словно фейерверки, сверкали молнии.

Должно быть, он спит и видит сон, подумал Аладдин, закрывая уши от раскатов грома. Он просто лежит в кровати, и все это безумие – только у него в голове...

Но затем птица спикировала вниз, вылетев из тучи, и Аладдин увидел, что все небо заполнено этими блестящими мохнатыми созданиями – и у них всех на спинах сидят недоброго вида дети. Внизу виднелся потрепанный особняк – будто извалянный в грязи.

Школа Зла.

Одного за другим птицы сбрасывали детей в адскую тьму.

Сердце Аладдина сжалось.

Значит, это случилось.

Он все-таки злой.

Теперь он обречен на целую жизнь злодейства. Если, конечно, вообще переживет учебу вместе с убийцами и чудовищами...

Но потом случилось нечто необычное.

Птица не сбросила его в Школу Зла.

Она полетела дальше, к *другой* стороне того же здания, оставив за спиной всех злых детей. Вторая половина школы была белой, как слоновая кость; с освещенных солнцем цветущих вишневых деревьев слетали лепестки.

Клеоча от отвращения, птица бросила Аладдина вниз. Мальчик закричал от ужаса, падая на верную смерть...

Но его поймали ветви дерева.

Оглушенный, Аладдин кое-как поднял голову.

Вокруг поднимались с земли мальчики и девочки, красивые, сияющие.

Новые ученики школы.

Школы Добра.

Аладдин моргнул.

«Невозможно, – подумал он. – Я... добрый?»

Но потом он нащупал в кармане металлические контуры и медленно расплылся в улыбке.

Лампа.

Вот в чем дело.

Он еще даже не загадал первое желание, но судьба уже начала меняться.

Глава 4

Незадолго до полудня два Директора школы вышли из своего кабинета и направились в театр, чтобы поприветствовать новых учеников.

– Если Аладдин был в твоём списке Зла, как он оказался в *моей* школе? – спросил Райен, широкоплечий и загорелый, с растрепанными кудрями.

Рафал – его волосы-колючки были такими же бледными, как и его кожа, – посмотрел на него.

– Спроси стимфов.

– Это твои птицы, и ими управляешь ты, – напомнил ему брат.

– До сегодняшнего дня так и было, – проворчал Рафал. – Они настаивают, что отправили Аладдина именно туда, куда полагалось.

– Этот вор и мошенник – всегдашник? – удивился Райен.

Рафал кивнул.

– Я попытался еще раз записать его к себе, но Сториан стер его имя из списка Зла и вернул его тебе.

Директор Школы Добра уставился на брата-близнеца.

– Значит, это все Сториан придумал.

– Похоже, перо в первый раз отменило наше решение, – задумчиво сказал Рафал.

– Оно считает, что мы *ошиблись*? – ответил Райен. – Мы не ошибаемся, оценивая души.

– То небольшое, в чем мы друг с другом согласны.

Он ухмыльнулся брату, но Райен остался задумчив.

Они шли по школе, скромному замку размером примерно с особняк или загородную виллу. Братьям нравилась атмосфера маленькой школы – в ней произрастало чувство общности, а не грандиозные эгоистичные амбиции.

Ученики Школы Добра жили в восточном крыле, а Школы Зла – в западном. Всегдашники и никогдашники ходили на большинство занятий вместе, в гостиных тоже можно было находиться и тем, и другим. Поначалу думали, что нужно обозначить границу между Добром и Злом резче – но, поскольку Райен и Рафал защищали школу вместе, несмотря на противоположность своих душ, они хотели здорового соперничества между учениками. И при этом равновесие в Лесу все равно поддерживалось. Именно поэтому Сториан назначил Директорами близнецов: их братская любовь была сильнее, чем верность той или иной стороне. Пока их любовь оставалась сильной, а Добро и Зло были в равновесии, это равновесие отражалось в сказках Сториана. Иногда в конце побеждало Добро. Иногда – Зло. И эти победы и поражения заставляли обе стороны стремиться к совершенству. Перо двигало мир вперед – по одной сказке за раз.

А какое место во всем этом занимала Школа? В сказках Сториана говорилось о выпускниках знаменитой академии, и именно поэтому юные всегдашники и никогдашники так старательно учились. Они надеялись, что когда-нибудь, уже после окончания Школы, перо расскажет именно их историю и сделает их легендой. Вдоль стен в кабинете Директоров стояли целые шкафы с этими историями – «Принц-лягушонок», «Мальчик-с-пальчик», «Умная Мария», «Златовласка», – все когда-либо написанные сказки были посвящены бывшим ученикам.

Когда Директора подошли к обеденному залу, Рафал заметил, что брат по-прежнему молчит.

– Неужели этот мальчишка-вор стоит таких раздумий?

Райен посмотрел на него.

– Перо не зря перевело его в другую Школу. Что, если Аладдин *действительно* злой... но перо считает, что я могу *сделать* его добрым? Что, если он – мое испытание?

– Превратить никогдашника во всегдашника? – нахмурился Рафал. – Это невозможно.

– Но мы же оба согласны, что этот мальчишка не добрый, а мы никогда не ошибаемся, оценивая души, – ответил Райен. – Но если я смогу *сделать* его добрым... если смогу превратить во всегдашника...

– Что тогда тебе помешает сделать то же самое со *всеми* злыми душами? – саркастически спросил Рафал, ожидая, что Райен засмеется.

Но брат не засмеялся. Он лишь улыбнулся – словно действительно именно об этом и думал.

Рафал похолодел.

– Но как же *равновесие*?

– Это же испытание Сториана, верно? Вот его и спрашивай, – отшутился Райен, затем заметил, как помрачнел брат. – Я всего лишь шучу, Рафал. Душу нельзя изменить. Либо мы ошиблись, и он *действительно* добрый...

– Мы никогда не ошибаемся, – вставил Рафал.

– ...либо ошибается перо, и мои попытки превратить его во всегдашника провалятся, – сказал Райен.

– Причем провалятся катастрофически, – добавил Рафал и посмотрел на брата. – Но ты все равно попытаешься?

– А ты бы не попытался, если бы считал, что Сториан на твоей стороне? – поддразнил его Райен и слегка толкнул локтем в бок.

– Может быть, – ответил Рафал и отстранился, словно принимая безмолвный вызов.

Оба брата заявят права на одного ученика.

Ученика, которого еще даже не видели.

Они дошли до театра. Райен посмотрел на своего близнеца – теперь уже он пребывал в задумчивости.

– Знаешь, Рафал, с тех пор как мы были подростками, ты стал куда угрюмее.

– Мы уже сто лет как подростки, – ответил Рафал.

– Именно, – сказал Райен. Затем он уперся ладонями в деревянные двери и распахнул их.

1. В переводе Анны Тихоновой.

2. *Пани пури* – традиционная уличная еда в Индии и соседних странах: обжаренные в масле шарики теста с начинкой (пури) окунаются в соус (пани). – *Здесь и далее примеч. ред.*

3. *Ладду* – десерт в Индии и соседних странах: сладкие шарики из муки и масла с добавлением орехов и специй, обычно готовится по праздникам.

Глава 5

Как и большинство детишек из Бескрайних лесов, Аладдин считал, что в Школе Добра его ждут драки на мечях, красивые девочки и ночные проделки в общежитиях.

Чего он не ожидал, так это обилия правил.

– Правило номер десять, – сказала профессор Мэйберри, декан Школы Добра, элегантная темнокожая женщина, стоявшая настолько прямо и произносившая согласные звуки настолько резко, что у Аладдина аж ягодички сжимались. – Ученики Школ Добра и Зла приглашаются на Снежный бал – зимние танцы в сочельник. Все всегдашники обязаны туда пойти...

– А всем никогдашникам рекомендуется *не идти*, – проворчал худой как скелет мужчина, стоявший рядом с ней. Его кожа была странного серого оттенка, волосы – скорее седые, чем темные, брови – густые и очень черные. Профессор Хамбург, декан Школы Зла. – После первого курса вас разделят на три группы в зависимости от учебных успехов. Первая группа – Лидеры, вторая – Последователи, третья – могрифы.

Аладдин зевнул и дернул галстук-бабочку. Ему было жутко скучно, а еще он злился, что его запихнули в совершенно абсурдную одежду с оборками и фалдами, словно он цирковая обезьянка какая-то. (И вообще, что это за слово такое – *могриф*?) Он оглядел театр – такой же вычурный, как и школьная форма, с резными деревянными скамейками и окнами-розетками – и задумался, как вообще ребята из Школы Зла выносят весь этот пафос. И в самом деле, примерно пятьдесят никогдашников сидели по другую сторону прохода, так же разодетые в пух и прах, как и ученики Школы Добра; двадцать пять мальчиков-всегдашников с его стороны очень внимательно слушали деканов, как и двадцать пять девочек-всегдашниц, сидевших позади него. Одна из них привлекла его внимание – маленькая девочка, едва достававшая до пола ногами. На веках у нее были ярко-розовые тени, в черных волосах – фиолетовые ленты, щеки румяные. Аладдин попытался заглянуть ей в глаза, но она смотрела на профессора Мэйберри.

– Правило номер одиннадцать. Вход в кабинет Директоров строго воспрещен, – объявила декан Школы Добра, – равно как и в кабинеты всех учителей...

«Если бы я хотел жить по правилам, то остался бы в Шазабе», – проворчал про себя Аладдин. Он бы уже загадал три желания, заполучил царевну и дворец, и все знали бы его имя. Он похлопал по лампе, лежавшей в кармане сюртука. Ему и секунды не довелось провести в одиночестве с тех пор, как он выиграл ее у Салима. Какой смысл держать при себе лампу, если не будет ни единой возможности ее *использовать*?

Аладдин посмотрел на никогдашников – на первый взгляд они были одеты так же, как всегдашники, но потом он пригляделся и увидел, что те уже начали тайком вносить в форму изменения: резали рукава, прорывали дырки в рубашках, хвастались шрамами, татуировками и оружием, которое удалось тайком пронести.

«Нарушители правил», – подумал Аладдин.

Вот эти люди ему по нраву.

Он снова повернулся к девочке с фиолетовыми лентами.

– Хочешь, покажу тебе кое-что?

Девочка не обратила на него внимание, по-прежнему не сводя глаз со сцены.

– Правило номер двенадцать, – тем временем произнесла Мэйберри. – Вам запрещено покидать спальни после девяти вечера...

– Смотри, смотри, – настойчиво проговорил Аладдин и сунул руку в карман. – У меня волшебная лампа.

– Ну да, конечно, – фыркнула девочка, даже не посмотрев в его сторону.

Высокий светлокожий мальчик с рыжими волосами, сидевший рядом с Аладдином, усмехнулся.

– Удачи тебе. Это Кима, принцесса Мейденвейла. Все парни хотят пригласить ее на Снежный бал, включая Гефеста.

Он кивком показал на дальнюю часть скамейки, где сидел мускулистый смуглый парень с бритой головой и ярко-зелеными глазами. Остальные мальчики-всегдашники осторожно косились на него, мечтая снискать одобрение, хотя сам Гефест вообще не подозревал об их существовании.

– А это значит, что у тебя нет ни единого шанса, – предупредил Аладдина рыжий мальчик.

В этом он был неправ, потому что теперь, когда у Аладдина была волшебная лампа, он мог пожелать все, что угодно, – в том числе победить Гефеста в борцовском поединке или пойти на Снежный бал с принцессой Кимой. Но, с другой стороны, это казалось еще более неправильным: теперь, когда Аладдин мог завоевать принцессу с помощью лампы, он твердо решил сделать это без ее помощи.

Он снова повернулся к Киме.

– Клянусь, это волшебная лампа. Прямо из Пещеры Желаний.

Кима вздохнула.

– Нет, это не она, потому что Пещеру Желаний пытались найти все, включая моего отца, но найти ее невозможно. Так что можешь врать сколько угодно, но меня ты не обманешь, потому что у лжи есть особый запах, а у тебя изо рта начинает вонять.

Аладдин залился краской и стиснул зубы.

– Значит, придется на самом деле тебе *показать*.

Он поднес руку к лампе, чтобы потереть ее...

– Эй, ты! – послышался резкий голос со сцены.

Все – и всегдашники, и никогдашники – повернулись к Аладдину.

Мальчик замер, словно кот в попытке слиться с землей.

Кима ухмыльнулась.

– Ты хотел чем-то с нами поделиться? – хмуро спросила профессор Мэйберри.

– Нет, – ответил Аладдин.

– Он говорит, что у него волшебная лампа! – крикнул рыжий мальчик, сидевший справа.

– Лампа из Пещеры Желаний! – засмеялся другой мальчик, слева, который подслушивал их разговор.

Ученики обеих школ смеялись и улюлюкали.

Гефест посмотрел на Аладдина с жалостью.

– У меня есть лампа! И в ней джинн! – гневно воскликнул Аладдин и высоко поднял лампу, но смех лишь усилился. Всех новичков объединило одно желание: посмеяться над дурачком. Аладдин вскочил на ноги и повысил голос. – И когда я загадаю первое желание, я превращу вас всех в лягушек! Вот тогда вы попляшете!

– Будем надеяться, что до этого не дойдет, – послышался мужской голос.

Все в театре замерли, даже оба декана.

В зал вошли Директора-близнецы. Злой брат – с торчащими белыми волосами и молочно-бледной кожей, добрый – с теплым взглядом и взъерошенными волосами, оба в одинаковых синих мантиях. До Аладдина доходили слухи о бессмертных подростках, которые правили школой и защищали Сториана – перо, писавшее сказки Бескрайних лесов. Но сейчас, в их присутствии, он чувствовал силу их светлых глаз. Глаз, направленных прямо *на него*.

– Отдай ее мне, – приказал добрый брат.

Аладдин не посмел отказать, хотя и почувствовал себя ужасно, расставаясь с лампой. Он отдал свое сокровище.

Добрый Директор осмотрел ее, затем посмотрел на брата-близнеца и протянул лампу обратно Аладдину.

– Подделка. Не стоит и сомневаться.

Злой Директор глянул на лампу через его плечо, тоже совершенно без интереса... но затем вдруг изменился в лице. Его глаза блеснули, словно лед пошел трещинами.

– Не согласен с тобой, брат, – сказал он и забрал лампу, не дав Аладдину до нее даже дотронуться.

Добрый Директор удивленно посмотрел на злого, но брат уже прошел вниз по проходу, протянул лампу декану Хамбургу и довольно громко прошептал:

– Заприте ее в своем кабинете, там, где никто не сможет до нее добраться.

Декан Хамбург сердито взглянул на Аладдина.

– Слушаюсь, директор Рафал.

Доброго брата эта сцена, похоже, сбила с толку. Он спросил близнеца:

– Что теперь – произнесем наши приветственные речи, или же будем досматривать вещи и других учеников на случай, если кто-то из них протащил в школу Святой Грааль?

– Безусловно. Говори первым, – ответил Рафал. – Ну, знаешь, раз уж Сториан на *твоей* стороне.

Райен сжал губы.

– С таким отношением – может быть, он и прав.

Оба Директора уставились друг на друга, затем посмотрели на учеников.

На *одного* из учеников.

Но Аладдин не заметил их взглядов – мысли мальчика занимал только один вопрос.

Как пробраться в кабинет декана Хамбурга?

И Злой Директор, похоже, обрадовался этой мысли, потому что улыбнулся Аладдину именно в тот момент, когда тот задумал план.

Глава 6

Дразнить вора – это в принципе не очень хорошая идея, особенно вора, который считает, что *ты* у него что-то украл.

Раз профессор Хамбург – декан Школы Зла, это значит, что его кабинет находится в западном крыле особняка, а *это* значит, что Аладдин должен выбраться из комнаты,

тайком добраться до крыла, занимаемого Школой Зла, найти логово Хамбурга, украсть у него лампу и при этом не попасться. Задача казалась почти невыполнимой даже такому нахальному оптимисту, как Аладдин. К счастью, спальни Школы Добра после отбоя не охранялись, – учителя верили в добродетельность своих учеников. Так что вскоре после полуночи Аладдин на цыпочках прошел мимо спящих соседей по комнате, вышел в коридор и направился к лестнице...

И остановился.

Гефест и Кима сидели на ступеньках примерно на середине лестничного пролета и играли в карты. Гефест был одет в обтягивающую майку без рукавов, а Кима – в фиолетовую пижаму такого же цвета, как и ленты в волосах. Они не говорили и вообще не издавали ни звука, но судя по тому, какими взглядами они обменивались после каждой разыгранной карты – торжествующими, улыбающимися, – все выглядело даже романтичнее, чем если бы он застал их за поцелуем.

Аладдин гневно фыркнул, и двое всегдашников вытянули шеи, но Аладдин, сжимая кулаки, уже спешил к задней лестнице. Он хотел ворваться в кабинет профессора Мэйберри и наябедничать на нарушителей правил; он хотел, чтобы этих высокомерных голубков *наказали*. Но, поскольку он тоже тайком выбрался из спальни, причем замышлял куда худший проступок, оставалось лишь проглотить обиду и придерживаться изначального плана.

Как она могла выбрать этого напыщенного придурка с мертвыми глазами вместо него? Как можно быть такой предсказуемой? Аладдин резко вдохнул. Кима – такая же, как все в Шазабе. Тоже не ценит ни его, ни его достоинств.

Неважно.

Скоро он вернет себе лампу, и принцесса Кима будет принадлежать ему.

Неважно, как именно он заполучит ее любовь. Важно, что все увидят, что он *достоин* ее любви. Он станет таким же, как Гефест: желанным и оцененным по достоинству, причем не только в чужих глазах, но и в собственных.

Но сначала надо добраться до кабинета Хамбурга.

Аладдин поспешно сбежал вниз по лестнице, пересек фойе, направляясь к лестнице западного крыла...

И замер.

Мэйберри.

Она шла широким шагом из столовой, одетая в бархатный халат. Из шоколадного пудинга, который она взяла, чтобы перекусить на ночь, торчала ложка.

Она подняла голову и вот-вот должна была увидеть Аладдина...

И вдруг декан замерла, словно обращенная в камень. Ложка, которую она поднесла ко рту, так там и застряла.

Он ждал, пока она двинется, но Мэйберри просто стояла и смотрела куда-то мимо него.

Аладдин протянул руку и коснулся ее лица. Кожа теплая, пульс сильный. Но она не дернулась и не двинулась – ее тело было неподвижным, как статуя.

Аладдин колебался. Он не понимал, что происходит.

Но, как он понял еще тогда, когда наткнулся на лампу в темном переулке, удаче нужно доверять.

Он пробежал мимо нее к лестнице.

Когда он все же обернулся, профессор Мэйберри уже неторопливо шла дальше, отправляя в рот очередную порцию пудинга.

Впрочем, все-таки есть разница между просто удачей и слишком большой удачей.

С того момента, как он прошел в западное крыло, какие-то силы убирали с его пути препятствия, словно его место именно *здесь*.

В Школе Зла.

Коридоры в спальне были слишком темными, чтобы ориентироваться в них ночью, – просто лабиринт, – но каждый раз, когда Аладдин выходил на перекресток, мимо тут же пробегали крыса или таракан и пищали: «*Сюда!*», указывая верное направление.

Когда в коридор вышел одноглазый учитель, стена потянулась к Аладдину и оттащила его назад.

Великан-людоед провалился в сон, едва увидев мальчика.

Потом мимо пролетели две летучие мыши, пища «*Хамбург, Хамбург, Хамбург*». Они привели Аладдина к двери в конце коридора, на которой было вырезано имя декана.

И если уж даже все это не считать достаточным доказательством того, что Зло помогает ему... дверь кабинета профессора Хамбурга таинственным образом раскрылась перед ним.

Аладдин скользнул внутрь, раздумывая, как будет обыскивать кабинет, и где именно декан спрятал лампу. Но тут он услышал грохот в ящике стола в углу комнаты. Ящик, когда он не смог вскрыть замок, сам открылся с раздраженным скрипом, словно не хотел терять время с такими любителями.

Едва Аладдин посмотрел на лампу, та заблестела как драгоценный камень, а затем потеплела в его руках, тихо мурлыча, словно сама хотела, чтобы мальчик ее нашел, и радовалась возвращению.

«Значит, все это время мне помогала сама лампа? – задумался Аладдин, разглядывая свое отражение в ее блестящей поверхности. – Но тогда я, может, и на самом деле добрый. Потому что с чего бы лампе помогать кому-то злому?»

Из соседней комнаты – спальни Хамбурга – послышался храп.

Аладдин крепко схватил свое сокровище и выбежал из кабинета.

Всякие «кто», «что» и «почему» сейчас неважны.

Лампа снова у него.

Вскоре он спустился обратно по лестнице, вернувшись на сторону Добра. Именно там, на балконе своей комнаты, пока его соседи мирно спали, Аладдин наконец-то оказался в тишине и одиночестве. Он поднял добычу в воздух, чтобы ее осветила луна, и потер ладонью – раз, другой, третий...

Из лампы пошел красный дым, который превратился в полупрозрачный ползучий силуэт – змея, который поднялся высоко в ночном небе, а потом спустился и приблизил морду к лицу Аладдина.

– *Молодой хозяин*, – прошипел змей. – *Ш-ш-ш-ш-то пожелаеш-ш-ш-шь первым?*

Аладдин вздрогнул. Он представлял себе джинна более дружелюбным, привлекательным... и менее чешуйчатым.

– *Говори, мальчиш-ш-ш-шка!* – резко сказал джинн, сверкая красными глазами.

Аладдин выпрямился. Неважно, кто именно исполнит его желание. Неважно, добрый он или злой. Важно лишь желание, загаданное с чистейшими добрыми помыслами.

Он посмотрел прямо в глаза змею.

– Я хочу, чтобы принцесса Кима безумно в меня влюбилась.

Глава 7

Несколькими этажами выше в своем кабинете братья устроили поздний ужин.

– Хвастается своей лампой? Угрожает всех превратить в лягушек? Как вообще хоть кто-то может подумать, что этот мальчишка добрый? – проворчал Рафал, прожевывая кусок бифштекса. – Перо ошиблось насчет него. А это значит, что Сториану больше нельзя доверять.

– Перу, которое назначило нас Директорами? Перу, которое поддерживает в нашем мире *жизнь*? – спросил Райен, сталкивая вилкой с ножа кусочек рыбы. – Прости, но Сториану я доверяю больше, чем тебе. Если он говорит, что Аладдин добрый, значит, это правда. Просто подожди, и все увидишь.

– Если он *действительно* добрый, почему ты не увидел этого с самого начала? – вызывающе спросил Рафал.

– А *ты* почему не увидел? – возразил Райен.

Рафал взорвался.

– Почему Сториан лезет в дела нашей школы? Почему *сейчас*? Добро и так уже победило в пяти сказках подряд, а перо теперь еще и дарит тебе учеников, которых заслужил я?

Он смахнул тарелку со стола – она врезалась в книжный шкаф и разбилась.

– А что, если ты прав? Что, если перо *в самом деле* на твоей стороне? Что, если оно вообще хочет избавиться от Зла? Что тогда?!

Райен вздохнул.

– Успокойся. Равновесие восстановится, как и всегда. Ну а пока ты просто испортил отличный ужин. Уже не в первый раз.

Он опустился на колени и собрал с пола остатки еды и осколки.

– Да и вообще, сказок пока всего четыре. Перо еще не завершило историю Петера Штумпфа⁴. Он ведь был одним из лучших учеников твоей школы. А сейчас он оборотень-людоед, и, вполне возможно, ему повезет.

Рафал прошел к белому каменному столу. Волшебное перо как раз вывело на последней странице слово «КОНЕЦ».

– Петера Штумпфа только что сожгли на костре, а его кости обглодала собака. Что-то мне не кажется, что это можно назвать

победой.

Райен отпил глоток вина.

– Ох.

Рафал бросил законченную книгу на пол.

– Так вот, если Аладдин покажет, что он злой, это восстановит равновесие. И докажет, что мы были с самого начала правы. Что мы выполняли *свою работу*. Дни, когда мы слепо доверяли Сториану, подойдут к концу. Пора уже нам начать верить в свои суждения. Верить в Человека, а не в Перо.

Райен ничего не ответил – лишь допил вино.

– Жаль, что у маленького воришки больше нет лампы, – добавил Рафал. – Его желание многое прояснило бы.

Райен подозрительно посмотрел на него.

– Я знаю, что ты думаешь, – сказал Рафал. – Ты думаешь: «Почему мой брат постоянно ищет проблем? Почему он недоволен нынешним положением дел? Почему он не может вести себя как я?»

– Я думаю, что без меня ты не знал бы, что ты злой, а без тебя я не знал бы, что я добрый, – сказал Райен.

– Верно, но оба близнеца знают, что один из них лучше другого, – подколот его Рафал. – Именно этот секрет укрепляет их узы.

– Я думал, что секрет – это любовь, – возразил Райен. – Особенно учитывая, что именно благодаря нашей братской любви мы остаемся юными и бессмертными. Если нарушить эти узы, мы состаримся и умрем.

– Я могу любить тебя и все равно думать, что я лучше тебя, – ответил Рафал. – И именно поэтому, когда Аладдин докажет, что он злой, я с большим удовольствием буду смотреть, как тебя корежит...

Позади послышался шорох.

В углу комнаты Сториан открыл новую книгу и начал писать.

– Странно, – заметил Райен. – Обычно он отдыхает пару дней после того, как закончит.

Они встали и увидели, что перо уже нарисовало яркий портрет мальчика, знакомого им обоим.

– Аладдин, – проговорил Рафал.

Он держал в руках волшебную лампу, и в клубах густого красного дыма виднелся джинн-змей.

Райен сердито посмотрел на Рафала.

– Жаль, что у маленького воришки больше нет лампы...

– Ой-ой-ой, – ухмыльнулся Рафал. – Что ж, проверим, справится ли он лучше, чем Петер Штумпф!

Но перо писало не об Аладдине.

Оно вывело совсем другие слова.

Жили-были братья-близнецы, Директора Школы Добра и Зла, чья любовь сохраняла в мире равновесие. Пока братья любили друг друга, перо не отдавало предпочтения ни Добру, ни Злу, обе стороны в Бескрайних лесах обладали одинаковой силой. Но однажды в школу прибыл ученик, который полностью изменил все между ними.

Райен и Рафал пораженно переглянулись.

Сториан никогда раньше не писал о Директорах школы.

Ни в одной сказке.

Перо и его защитники всегда были отдельно друг от друга.

Братья тревожно посмотрели на книгу, ожидая следующей части истории Аладдина.

Истории, которая впервые за все время была *о них*.

Глава 8

На следующее утро Аладдин проснулся, напевая песню о любви.

О любви с оттенком мести, потому что скоро он придет в столовую – и там настоящая принцесса бросится ему на шею на глазах у всей школы, а ее тупоголовый воздыхатель будет отставлен... Разве нет большей радости, чем видеть, как сбывается твоё желание?

Столовая была круглой, словно театр, и почти с любого места открывался отличный обзор. Всегдашники и никогдашники должны были есть вместе, но никогдашники обычно не спали до поздней ночи, а потом пропускали завтрак, так что по утрам столовая была в полном распоряжении Школы Добра. За занавесом кипели и пузырились зачарованные кастрюли и сковородки, в идеальном ритме, словно симфонический оркестр, заполняя тарелки вишневыми блинчиками, яйцами по-французски и бананами в меду, а потом эти тарелки сами собой летели к столам. В центре каждого стола стояли вазы с цветами, а резные купидончики забавлялись на стенах бесконечной погоней.

Когда вошел Аладдин, напевая и вдыхая сладкие запахи, принцесса Кима сидела с Гефестом за центральным столом. Стайка мальчишек косилась на нее, толпа девочек пыталась подобраться поближе к нему, но они не сводили глаз друг с друга.

Без малейших колебаний Аладдин подошел к столу, стащил банан с тарелки Гефеста и откусил кусок. Облокотившись на стол, он повернулся к Киме.

– Ну? – ухмыльнулся он.

Кима окинула его свирепым взглядом.

– Что «ну»?

Аладдин сжал губы.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Только одно. Мальчики, которые размахивают поддельными лампами и воруют чужие бананы, недостойны говорить со мной, – ответила Кима.

В животе у Аладдина похолодело.

– Но я думал, что ты... ты же должна...

На него упала тень, мускулистая и лысая. Он почувствовал себя крохотным и слабым. Остальные ученики быстро разошлись в стороны, ожидая гладиаторского боя.

Теперь Аладдин все понял.

Лампа не сработала.

Если лампа не сработала, значит, Кима в него не влюблена. А если Кима в него не влюблена, значит, он только что просто так стащил еду у Гефеста. Гефеста, который стоял у него за спиной, готовый раздавить его в кулаке, как банан.

Аладдин резко развернулся...

И Гефест посмотрел на него.

Его большие зеленые глаза блестели. Губы были влажными, рот слегка приоткрыт. Он схватился за сердце, словно в него только что попала стрела.

– При... прив-в-в-вет... – пролепетал Гефест. Он выглядел совсем не грозно и не самоуверенно. – Знаю, мы только познакомились... но... не пойдешь ли со мной на Снежный бал?

Аладдин уронил банан на пол.

О нет.

Не-е-е-е-е-ет.

Лампа. Идиотская поддельная лампа.

Она не заставила Киму влюбиться в него.

Но она заставила увлечься им *Гефеста*.

Какая нелепость!

Есть такая тишина, когда нет вообще никаких звуков, подобная черной пустоте на дне океана. Никто в столовой не двинулся. Даже заколдованные сковородки перестали подбрасывать тесто для блинчиков и разбивать яйца.

Аладдин уставился на Гефеста, пытаясь хоть что-то ответить, но из горла вырвался лишь хрип, словно ему в рот насыпали шариков от моли. Он поднес руку к лампе, лежащей в кармане пиджака, словно лампа была его сердцем – сердцем, которое его подвело.

Принцесса Кима тоже выглядела так, словно ей отвесили пощечину. Ее будущий принц обратил весь свой интерес на мальчишку, которого она презирала. Но потом она внимательнее пригляделась к Гефесту, увидела его пустой взгляд, увидела, как покорно он сгорбился. Она снова повернулась к Аладдину... к его руке, которую он держал на лампе, поблескивавшей в кармане... поддельной лампе, которую конфисковали... поддельной лампе, которая, как он настаивал, умеет исполнять желания... и принцесса Кима вдруг поняла, что же происходит. Здесь, в магической школе, случилась магия с последствиями. Плохая магия.

Она хмуро посмотрела на Аладдина.

– Ну? Гефест приглашает тебя на Снежный бал. Ты ответишь ему что-нибудь?

Аладдин фыркнул, ожидая, что Кима тоже засмеется над собственной шуткой. Но она не смеялась. Да и никто больше не смеялся.

– Подожди, ты что, серьезно хочешь, чтобы я пошел с... – Аладдин не смог договорить.

– Гефестом? – ледяным тоном закончила Кима. Она повернулась к своему бывшему воздыхателю. – Гефест, пожалуйста, объясни Аладдину, почему он должен пойти с тобой на Снежный бал.

Гефест опустил на одно колено.

– Потому что настоящий друг – солнце, которое освещает своими лучами те частички моего сердца, о которых я и знать не знал. Он первый клочок земли, который я увидел после того, как долго дрейфовал в море. Настоящий друг – единственный путь через темный-темный лес. А когда чувства истинны, о них нужно говорить вслух. Потому что это и есть доброта. С почтением относиться к желаниям сердца. Без страха раскрывать душу.

Аладдин закатил глаза и уже собирался раз и навсегда послать этого олуха куда подальше...

Но затем услышал вокруг себя совершенно неожиданные звуки.

Всхлипы.

Вздохи.

Всегдашники прикладывали руки к сердцу, смахивали слезы, с трудом сдерживали эмоции – настолько их тронули слова Гефеста. Даже Кима была поражена.

– Ну не-е-ет, – протянул Аладдин, отворачиваясь от Гефеста. – Я ни за что не пойду на Снежный бал с *тобой*. Только через мой труп.

– Тогда я не буду есть, пока ты не скажешь «да», – с вызовом ответил Гефест. Он сел на пол и привязался галстуком к ножке кресла. – Пищей мне станут мои чувства и эмоции.

Аладдин отмахнулся.

– Ну и замечательно. Питайся своими эмоциями. Лучше уж твой труп, чем мой.

В зале снова повисла тишина, словно оттуда выкачали воздух.

Кима чуть не разрубила Аладдина взглядом пополам.

– Это Школа *Добра*, не забыл? Всегдашники верят в искренние чувства. Насмехаться над ней – это удел никогдашников. И учитывая, что ты уже успел испортить церемонию Приветствия, соврал, что у тебя есть волшебная лампа, заколдовал Гефеста, а потом унизил... вполне разумным будет предположить, что и в школу ты попал посредством мошенничества и воровства. И ты не достоин здесь учиться.

Напряжение нарастало. Все в столовой совсем иначе взглянули на Аладдина.

Даже амурчики на стенах, похоже, буравили его укоризненными взглядами.

Аладдин покраснел.

В родном городе – недостойный.

Здесь – недостойный.

А настоящая принцесса, единственный шанс для него завоевать любовь и *уважение*, смотрит на него как на пустое место.

Он не знал, что делать... его охватила паника... и прежде, чем он успел понять, что произошло, он повернулся к Гефесту и от безысходности пролепетал:

– М-м-мы пойдем на бал в одинаковых костюмах?

Глава 9

Рафал расхохотался, наблюдая за Сторианом, в красках расписывающим сцену в столовой.

– «*Мы пойдем на бал в одинаковых костюмах?*» – прочитал он, почти согнувшись пополам. – Твой драгоценный маленький всегдашник, влюбленный в девочку, теперь пойдет на бал с мальчиком, в которого влюблена *она*. А до Снежного бала еще несколько месяцев – представь, как они все страдают. Готов поспорить, Сториан такого не предвидел.

– Сториан впервые рассказывает историю о *нас*. Перо, которое должно писать сказки о наших учениках. Тебя это что, совсем не беспокоит? – укоризненно спросил Райен, скрестив руки на груди и облокотившись о книжный шкаф. – А, я забыл. Ты слишком занят попытками испортить бал!

– Благодаря моему вмешательству этот рассказ теперь *не* о нас, – возразил Рафал. – Перо сказало, что Аладдин изменит между нами все. Вот, смотри – ничего не изменилось, и перо о нас больше даже не пикнуло. Вместо этого я сделал все возможное, чтобы эта

история была о мальчике, которого ты хотел сделать добрым, но который доказал, что на самом деле злой.

– Но с чего Сториан вообще начал писать о нас? – не унимался Райен. – И даже не начинай. Ничего ты не доказал. Ты обманом заставил мальчишку поверить, что его лампа настоящая, заманил его в свою часть замка и практически вручил ему ее обратно...

– Только полный идиот мог подумать, что лампа настоящая, – рявкнул Рафал. – Она пропитана плохой магией, какой-то самодельной порчей, которая наказывает загадавшего желание. И, учитывая, что твой всегдашничек – вор, я уверен, что в Шазабе была куча народу, которых он обокрал и которые с большим удовольствием наложили бы на него проклятие.

– Так или иначе, что бы ты там ни натворил, я хочу, чтобы ты все исправил.

– Почему это?

Райен сердито посмотрел на него.

– Потому что твой долг, как и мой, – защищать перо и Школу, а твой дешевый трюк – это не просто вопиющая попытка нарушить работу пера, но еще и умышленное посягательство на благополучие наших учеников. И учитывая, что раньше ты еще ни разу не лез напрямую в дела Школы Добра, я не могу не задуматься, действительно ли ты по-прежнему достаточно рассудителен, чтобы оставаться Директором школы. Неожиданный поворот в истории, которую рассказывают *о нас*. Может быть, ты как раз и встал на тот путь, который обозначен в сказке, – в точности так, как запланировало перо.

Ухмылка исчезла с лица Рафала. Ему стало так больно, что он даже не мог этого описать. Брат еще никогда раньше не ставил под сомнение его честность и преданность школе. То, что началось как шутка, как безобидный спор по поводу того, в какую сторону склонится душа мальчишки, превратилось в нечто куда более пугающее – и важное. Словно глубокая невидимая гниль наконец проявила себя.

Он отвел глаза к окну.

– Сейчас уже слишком поздно. Я ничего не могу исправить. От плохой магии есть только одно противоядие – сделать ее хорошей. Это значит, что мальчишка должен исполнить свое исходное желание самостоятельно.

Райен вспыхнул.

– Так, давай-ка разберемся. Чтобы Гефест перестал пускать слюни по фальшивке, Аладдин должен завоевать любовь Кимы, причем сделать это *честно*?

– Не просто любовь, а *поцелуй* настоящей любви.

– Поцелуй. От девочки, которая им не интересуется, которая подозревает, что он попытался наложить на нее любовные чары, и которая очень хочет, чтобы его за это наказали?

Рафал снова ухмыльнулся.

– Именно. Ты утверждал, что можешь сделать душу доброй. Вот, теперь твоя очередь доказывать, что *ты* достаточно рассудителен, чтобы оставаться Директором школы.

Райена передернуло. Он взглянул брату в глаза.

Сториан позади них записал слова Рафала под изображением двух близнецов, стоящих лицом к лицу.

Но он не записал мысль, которая крутилась в голове у доброго Директора.

Какая же заваруха началась – и все из-за глупого спора.

Нельзя заставлять учеников разгребать все самим.

Если уж его брат полез в эту сказку на стороне Зла, значит, он вмешается на стороне Добра.

Это ведь всегда было лучшим способом разрешения проблем, правильно?

Равновесие.

Глава 10

После первой учебной недели Аладдину очень хотелось попросить какого-нибудь стимфа его сожрать.

Он надеялся, что, приняв приглашение Гефеста на бал, сможет выиграть время, чтобы как-то снять проклятие джинна, но его планы снова были порушены. Во-первых, он так и не смог больше заставить джинна появиться из лампы, как бы сильно ее ни тер. Медный сосуд, избавившись от порчи, которую на него наложили, оставался холодным и темным. Во-вторых, Гефест повсюду за ним таскался, словно восторженный щеночек, заваливая его самодельными подарками и стихами – настолько ужасными, что Аладдин даже не мог предположить, действует ли это проклятие джинна, или Гефест просто сам по себе настолько слабоумен.

– А мне кажется, они милые, – возразил его сосед по комнате, бледный, изящный мальчик по имени Руфиус, который буквально каждую свободную минутку выпекал оладушки и козинаки пастельных цветов.

Аладдина чуть удар не хватил.

– Волшебные часы, которые каждые пятнадцать минут повторяют «*Гефест думает о тебе!*»? Бесформенная глиняная чашка, на которой вырезаны наши инициалы? Коробка шоколадок, на которых намалеваны наши лица?

– Шоколадки – это моя идея, – тихо признался Руфиус. – Я помог Гефесту их готовить.

Аладдин вытаращил глаза. Ему очень хотелось спросить, почему. Это всего-навсего заклинание, и оно портит ему жизнь.

Проблема, конечно, состояла в том, что он не мог признаться в своем преступлении – уж точно не после того, как Кима при всех назвала его мошенником и вором. Если он признается, что наложил проклятие на любимца всей школы, его начнут еще больше презирать. К тому же в этой школе прославляли любовь – любую любовь, – и чем больше Аладдин выказывал недовольство, тем больше портил себе репутацию. (Руфиус тоже не помог делу, растрезвонив всем о шоколадках.)

– Вот бы *мне* дарили шоколадки, – сказала Кима, проходя мимо Аладдина по пути на урок истории. – Может быть, мне *пожелать*, чтобы кто-нибудь в меня влюбился?

Она окинула его долгим взглядом, затем исчезла за углом.

Сердце Аладдина чуть не лопнуло.

Она знала!

Конечно, знала.

Ум Кимы не уступал ее красоте.

А это значит, она знает, что Аладдин попытался завоевать ее сердце обманом.

Как ему теперь влюбить ее в себя на самом деле?

Но мало этого – Аладдину еще нужно было и учиться.

А учеба ему не давалась.

На большинство уроков вместе ходили и всегдашники, и никогдашники – так Директора школы старались добиться взаимоуважения между двумя сторонами. Кроме того, это помогало Добру и Злу устраивать оживленные дебаты и здоровую конкуренцию в испытаниях, за которые ставили оценки. Но вне зависимости от того, кто именно – никогдашники или всегдашники – лучше выполнял задание, Аладдин неизменно получал одну из худших оценок.

На уроке физкультуры он бросил свою команду, чтобы захватить флаг, нарушив тем самым одно из основополагающих правил. На контрольной по благородству Гефест посадил его на дерево, и Аладдин полез наверх, чтобы поскорее от него избавиться, вместо того чтобы помочь залезть и Гефесту.

– Это что, и было испытание? – недоверчиво спросил он. – Зачем мне помогать ему залезть, если он достаточно силен, чтобы залезть самостоятельно?

Учитель с каменным лицом ответил ему:

– Благородство.

На уроке выживания в сказках, где всегдашники и никогдашники вместе ходили в лес, чтобы изучить местную флору и фауну, он перепутал осиное гнездо с гнездом фей, и всю его группу пережалили.

А еще он начал бояться слова «могриф». Оказалось, что учеников, получающих худшие оценки в классе, не просто исключают из школы. Их еще и превращают в животных или даже... *растения*. На всю жизнь.

– Так *вот* что такое могриф, – удивился Аладдин.

– А ты думал, откуда у принцесс их звери-помощники, а у великанов – бобовые ростки? – спросил Руфиус. – Их тоже учат в этой школе.

– Зачем вообще учиться в школе, где тебя могут превратить в лемура или в сосну?

– Или в слизня, или в траву-вонючку – если учишься особенно плохо, – добавил Руфиус. – Такой уж в этой школе риск: либо ты добиваешься славы, либо вечно живешь в позоре. И лучше бы тебе получить хорошую оценку в испытании золотых рыбок. Оно только для всегдашников. И оценка за него очень важна.

К счастью, испытание золотых рыбок казалось довольно простым.

Оно проходило на берегу пруда за школой, вел его учитель по общению с животными, золотистый, мускулистый кентавр с темно-рыжими волосами по имени Максим. Кентавр объяснил, что все ученики по очереди должны опустить в пруд палец и представить себе самое заветное свое желание – и тогда тысячи крохотных золотых рыбок, белых как снег, всплывут на поверхность и изобразят его собою. Если ученику удастся загадать желание с добрым намерением, то он пройдет испытание.

– Интересно, что покажет *твое* желание, – сказала Кима, стоявшая возле Аладдина. – Новые поддельные лампы?

– Наверное, – вздохнул Аладдин.

Кима хмуро глянула на него.

– Это не шутка. Если ты провалишь и это испытание, у тебя будет третий подряд незачет. Тебя тогда точно сделают могрифом.

– Посмотри на Максима, – возразил Аладдин, указывая кивком на статного, могучего кентавра, освещенного солнцем. – Он могриф, и с ним все в порядке.

Кима закатила глаза.

– Он не могриф. Максим – урожденный кентавр, и, скорее всего, был лучшим учеником в классе, раз уж сейчас преподает. А вот муха, которая летает возле его *крупа*, – как раз могриф.

Горло Аладдина сжалось.

Первым пошел Руфиус. Он сунул кончик указательного пальца в пруд, и рыбки тут же закружились в воде, изобразив мальчика возле лавки под названием «Пекарня Руфиуса», в витринах которой красовались багеты, булочки и шоколадки.

– И это все добро, на которое способна твоя душа? – резко спросил Максим у Руфиуса, нахмутив бровь. – Пожелал собственную *пекарню*?

– Я буду в ней каждое утро раздавать бесплатные круассаны бедным детям, живущим в деревне, – начал оправдываться Руфиус.

– Не вижу никаких детей, – возразил Максим.

– Они спят, – сказал Руфиус.

– Незачет, – ответил Максим. – Следующий.

Аладдин напрягся еще сильнее. Если уж добрый, услужливый Руфиус, который сварил для Гефеста шоколадки, не сумел сдать зачет, как *он* тогда его сдаст?

Когда настала очередь Кимы, золотые рыбки изобразили ее отца, танцующего с ней у нее на свадьбе после многих лет страданий из-за больной ноги.

– Чистая доброта, – похвалил ее Максим.

Ну конечно, подумал Аладдин. Не только красивая и умная, но еще и добродетельная.

Следующим пошел Гефест. Он пожелал, чтобы в школу вместо него пошел его брат-близнец.

– Он заслуживал этого больше, чем я, – признался Гефест.

Кима взглянула на него влюбленными глазами.

– Если честно, я думал, что его желанием будет очередной дурацкий подарок, – пошутил Аладдин. Принцесса свирепо повернулась к нему.

– Золотые рыбки находят самые сокровенные желания, спрятанные в глубине души. А не фальшивые, подброшенные второсортной порчей.

Аладдин вздрогнул.

– Почему ты тогда на меня не донесла? – спросил он.

– Потому что ты вполне способен и сам выкопать себе могилу, – ответила Кима.

– Аладдин, ты следующий, – вызвал Максим.

Мальчик сглотнул.

Он медленно подошел к воде. Рыбки поблескивали под поверхностью пруда, словно алмазы, которые предстоит добыть. Аладдин почувствовал, как взгляды всех всегдашников устремились на него. Им не терпелось увидеть, как он провалится.

«Пожелай что-нибудь доброе, – уговаривал он себя. – Что-нибудь, что могла бы пожелать Кима. Или Гефест. Или кто угодно, но не я...»

Он сунул палец в воду.

Рыбки тут же пришли в движение и изобразили рубиновый трон, водруженный на гору золота – султанский трон Шазабы. Аладдин сидел в короне, завернутый в шелковую мантию, на всех пальцах были кольца с драгоценными камнями, а у его ног пали ниц тысячи подданных. И мало этого: он что-то сжимал в руках... волшебную лампу... *настоящую* волшебную лампу...

Максим нахмурился.

Кима сложила руки на груди.

Аладдин съежился и зашептал: *«Нет, нет, нет, нет...»*

А потом рыбки вдруг превратились в бесформенную массу. Их чешуя снова стала белой, а потом они пришли в движение, изобразив совершенно новую сцену...

Аладдин, облысевший и морщинистый старик, прибирается в уютном доме, потому что ждет в гости старого друга. И на пороге – седовласый, слегка сгорбленный, очень похожий на...

Гефеста.

Аладдин поспешно отдернул руку. Развернувшись, он увидел, что на него таращится весь класс, включая и самого Гефеста – у того глаза были на мокром месте.

– Истинная душа всегдашника, – задумчиво проговорил Максим, глядя на рыбок, которые все еще изображали встречу старых друзей. – Как говорится, старый друг лучше новых двух.

Аладдин замахал руками.

– Подождите минутку. Это желание какое-то бессмысленное... оно не может быть...

А потом он увидел Киму.

Та больше не смотрела на него с ненавистью или презрением.

Она впервые посмотрела на него так, словно он настоящий человек. Заново оценивала его – внутри и снаружи.

– Какое замечательное желание, – услышался знакомый голос.

Всегдашники повернулись и увидели Доброго Директора, который проходил мимо пруда, одетый в свою длинную синюю мантию.

– Рыбы обычно расплываются в стороны, как только вы убираете палец из воды, но даже им захотелось подольше задержаться на душе Аладдина, – сказал Райен на ходу. – Лучшие желания удивляют всех – даже самого желающего. Продолжай, Максим.

К воде позвали следующего всегдашника, но никто не обратил на него внимания. Все смотрели то на Аладдина, то на Гефеста, словно увидели их впервые.

Кима придвинулась ближе к Аладдину и тихо пошутила, что ему удалось избежать вечной жизни в качестве тритона.

Но Аладдин смотрел вслед Райену. Райену, который появился именно в тот момент, когда изменилось желание Аладдина. И едва Аладдин об этом подумал, Добрый Директор обернулся к нему и улыбнулся – точно так же, как его злой брат улыбнулся ему на церемонии Приветствия, еще до того, как все пошло наперекосяк.

Глава 11

Рафал наблюдал за братом, посетившим урок всегдашников, из директорского кабинета. Губы Злого Директора подергивались.

Райен – просто жалкий любитель. Думает, что может просто вот так одним ловким движением изменить душу мальчишки? Неужели он не может просто признать, что перо ошиблось? Что мальчишка – злодей, каких поискать? Да, Райену удалось заставить эту мелкую самодовольную девчонку снова задуматься об Аладдине, но как долго это продлится? Мальчишка все равно продолжит вести себя как вор и эгоист, и на этот раз Райен его уже не спасет. Аладдин докажет, что он злой, это лишь вопрос времени.

И тогда Райену придется подавиться своими словами, всеми этими несправедливыми эпитетами, которыми он наградил Рафала – ненадежный, безрассудный, не подходящий на роль Директора школы. На самом деле это Райен непригоден для должности, потому что верит, что может превратить никогдашников во всегдашников, а священное перо – на его стороне, хотя на самом деле это просто говорит его болезненное самолюбие. *Как можно быть Директором школы, если считаешь, что равновесие – на твоей стороне?* Сториан явно ошибся с Аладдином, поместив его не в ту школу. И он, и Райен это знали. Но Райен доверял перу, а не собственному брату и даже не себе, и теперь они воюют за душу мальчишки, а еще оба вмешались в ход сказки, хотя их работа как Директоров школы – не лезть в истории, которые они вроде как должны защищать.

Рафал стиснул зубы.

Во всем, что произойдет дальше, будет виноват Райен. Это с него началась вся эта история. Это *он* злодей.

И, раз уж перо в последних сказках унижает злодеев, Райена тоже унизят. Аладдин доказал, что он злой и что Рафал разбирается в душах лучше, чем перо.

Это будет справедливой концовкой их сказки.

Злой Директор вздохнул с облегчением.

Мальчишка с лампой наверняка прямо сейчас в очередной раз выставляет себя на посмешище.

Глава 12

Сначала Аладдин был совершенно уверен, что Директор школы вмешался, когда он загадывал желание золотым рыбкам. Что это добрый волшебник превратил самое заветное желание его души из богатств султана в странную тихую сценку. Что это просто еще один сглаз, управлявший Аладдином как марионеткой, – точно так же, как злобный джинн управлял Гефестом. Конечно же, чтобы преподать ему урок. Чародей напомнил, что нужно хорошенько подумать, прежде чем пытаться накладывать любовные заклинания.

Но потом настал урок добрых дел, еще один, куда ходили только всегдашники и где преподавала декан Мэйберри. Она устроила им испытание «Поцелуй лягушку». Всем всегдашникам завязали глаза, затем Мэйберри превратила половину из них в лягушек. Затем этих проклятых лягушек посадили в чан с *настоящими* лягушками, после чего ученики, оставшиеся людьми, снимали повязки, и им предлагали отличить обычных лягушек от заколдованных. Каждый мог поцеловать только одну лягушку: поцелуешь одноклассника и вернешь его обратно к двуногой жизни – вы оба получаете зачет. Поцелуешь обычную прудовую лягушку – незачет.

Аладдин и Руфиус попали в человеческую группу, Кима и Гефест – в лягушачью.

Задание было почти невыполнимым, учитывая, что все лягушки выглядели одинаково и умели только скакать и квакать, но одна за другой они выполняли добрые дела, чтобы произвести впечатление: одна лягушка вычистила однокласснику обувь, чтобы заработать поцелуй, другая схватила муху, пролетевшую мимо чьего-то носа, третья исполнила небольшой танец, как Кима для Руфиуса, – и вскоре уже все оставшиеся людьми

всегдашники смогли вернуть человеческий облик кому-то из заколдованных... кроме Аладдина, который слишком боялся целовать лягушку – вдруг это окажется Гефест?

Еще один незачет.

Когда урок закончился, он поплелся к двери...

– Мне рассказали о твоём желании, Аладдин, – сказала профессор Мэйберри.

Аладдин повернулся, густо краснея.

– Это было не мое желание. Рыбы что-то напутали.

– Может быть, – ответила профессор Мэйберри, перелистывая бумаги на розовом учительском столе. – Или, может быть, они почувствовали твой страх и копнули глубоко-глубоко в душу, чтобы найти правду.

Аладдин закусил удила.

– Послушайте. Я не хочу, чтобы Гефест...

– Потому что твоё определение любви мелочное и искажённое, – ответила декан Школы Добра, подняв на него глаза. – Ты видишь любовь точно так же, как никогдашники: для них это просто поцелуи, цветочки и прочие поверхностные проявления. Ты, наверное, думал, что и сегодняшнее испытание устроили только ради поцелуя – и поэтому боялся целовать лягушку. Но настоящий всегдашник знает, что любовь – это прежде всего *узы*. Любовь – это когда у тебя есть заступник, товарищ, знаменосец, который видит настоящего тебя под лягушачьей шкуркой. Такая любовь – нечто намного большее, чем романтические отношения с девочкой. Это любовь семьи. Любовь товарищей по работе. Любовь друга. Возможно ведь, что однажды вы с Гефестом станете такими хорошими друзьями, товарищами по оружию, что под конец жизни станете заботиться друг о друге? Что будете искать компании друг друга? Может быть, ты именно это увидел в своём желании? Может быть, в глубине души ты хочешь найти настоящего друга, а не только милую принцессу? Хочешь, чтобы тебе было не так одиноко?

Аладдин посмотрел на нее, и на душе у него стало спокойнее.

– Золотые рыбки сильнее, чем ты думаешь, – сказала профессор Мэйберри. – Искренность твоего желания – пожалуй, единственная причина, по которой я и другие учителя не превратили в лягушку *тебя*.

В следующие дни Аладдин долго раздумывал над словами декана. На самом деле у него никогда не было настоящего друга. В Шазабе он был настолько одержим поисками способов разбогатеть и наконец-то сбежать, спастись от гнетущей домашней обстановки, что даже не задумывался над тем, чтобы найти союзников. Он всегда считал, что будет идти по жизни один. Даже когда речь зашла о любовных делах, он решил, что заставить девочку выбрать его сможет только обманом. Идея завоевать чье-то сердце без жульничества казалась невозможной. Неужели он в самом деле так плохо думал о себе? И о других?

Может быть, вот почему ему так стыдно из-за Гефеста? Потому что Аладдин точно знал, что смошенничал. Изменилось бы что-нибудь, если бы джинн действительно выполнил его желание и влюбил в него Киму? Или же Аладдин точно так же чувствовал бы себя униженным, зная, что это все обман? Если любовь – это *узы*, как сказала профессор Мэйберри, то какой в ней смысл, если она ненастоящая?

Его душе действительно хотелось чего-то большего. Союза, искренней и настоящей дружбы. Знания, что можно без опасений быть собой с кем-то другим, – даже с человеком, которого он обманул.

А в этом случае... золотые рыбки ведь могли быть и *правы*?

Но проблема с Гефестом от этого никуда не девалась. Мальчик, на которого наложили порчу. Мальчик, с которым Аладдин плохо обращался. Как бы он себя чувствовал, если бы это *его* проклинали так же, как Гефеста? Если бы ему не оставили выбора?

Аладдин покраснел от стыда.

А потом прогнал от себя это чувство.

Хватит плохо думать о себе.

До Снежного бала остался еще месяц.

Пора получше узнать мальчика, с которым он туда идет.

– А что вообще нравится Гефесту? – спросил он, садясь напротив Кимы на завтраке.

Она от неожиданности чуть не подавилась пирожком с черникой.

– Что?

– Ну, знаешь, что делает его счастливым, – сказал Аладдин, стащив несколько виноградин с ее тарелки.

Кима потуже затянула резинку на хвостике.

– Слушай, если ты собираешься еще как-то его разыграть...

– Я видел, как он пинает мячик. А еще он иногда практикуется в стрельбе из лука. Так что я знаю, что он увлекается спортом, – настаивал Аладдин. – А что еще?

Кима уставилась на него – искренность застала ее врасплох.

– Э-э... если честно, я не так хорошо его знаю. Ну, в этом смысле... Вроде бы ему нравятся сэндвичи с сыром, потому что он после плавания всегда ест их сразу по несколько штук. А еще он неплохо играет в покер...

– Спасибо! – ответил Аладдин и поспешно ушел.

Кима, совершенно сбитая с толку, уставилась ему вслед.

Тем вечером, уже начиная засыпать, она услышала в коридоре шорох, потом приглушенные голоса.

Она выглянула из комнаты, повернулась на звук... и увидела Гефеста и Аладдина, сидящих посередине лестничного пролета между этажами и играющих в покер. Гефест взял сэндвич с сыром из большой горки и откусил кусок.

– Вообще убойные, – сказал он с полным ртом. – Лучше, чем те, что я ем обычно.

– Я подкупил волшебную кастрюлю на кухне, чтобы она их приготовила, – ответил Аладдин, доставая новую карту.

– Как можно подкупить волшебную кастрюлю?

– Отчистить от жира плиту, на которой она стоит. Я подумал, что стоять на грязной плите – это примерно как спать в сырой вонючей кровати.

– Я слышал, что никогдашники как раз спят в сырых кроватях, – сказал Гефест. – Они так учатся страданию или типа того.

– Хочешь пострадать? Попробуй расти в доме, где родители хотят заставить тебя стать портным. Я даже *не люблю* одежду. Не стал бы вообще одеваться, если бы это не было обязательно.

– Потому что ты из пустынного царства, где всегда жуткая жара. А я с гор, там даже двух шкур бывает недостаточно, чтобы согреться.

– А ты не можешь просто... переехать куда-нибудь? – спросил Аладдин.

Гефест нахмурился.

– Там живет моя семья. Это наш дом.

– Ну, на твоём месте я бы переехал со всей семьёй на Бахимское взморье.

Гефест хихикнул.

– Говоришь как мой брат.

– Мне казалось, ты говорил, что он из вас двоих главный добряк, – заметил Аладдин.

Гефест вздохнул.

– Он так хотел стать всегдашником.

– Есть разница – можно хотеть стать хорошим, а можно им быть, – ответил Аладдин. – Наверное, поэтому сюда попал ты, а не он.

– Ты лучше нас обоих, – ответил Гефест, выкладывая стрит-флеш⁵. – Ты готов пойти со мной на Снежный бал, хотя на самом деле хочешь позвать туда принцессу Киму.

Аладдин фыркнул.

– Ты хочешь пойти со мной на Снежный бал только потому, что не в своём уме.

– Ну нет, у меня мозги нормально работают.

Аладдин снова фыркнул и перетасовал колоду.

– Кима ни за что со мной не пойдёт.

– Почему?

– Потому что она видит меня таким, какой я на самом деле есть. Эгоистичным гадом, – ответил Аладдин. – А ты видишь во мне человека достойного того, чтобы его знали. Человека, которым я *хотел бы* стать. Это большая разница.

Он посмотрел на Гефеста. Но на этот раз во взгляде Гефеста не было никакой одурманенности. словно проклятие развеялось, и они просто сидели вместе – два мальчика, которые впервые друг друга увидели по-настоящему, хотя раньше не понимали друг друга. Аладдин заерзал на месте, чувствуя себя беззащитным и уязвимым – словно рядом с ним уже не заколдованный Гефест, а настоящий, и они сидят вместе, потому что сами так решили, а не потому, что их заставила магия. И это чувство его не пугало. Оно было приятным и теплым.

– Ещё разок сыграем? – спросил Аладдин.

– С удовольствием. Я готов обыгрывать тебя хоть всю ночь, – усмехнулся Гефест.

Аладдин снова раздал карты.

Кима, стоявшая за углом, улыбнулась и на цыпочках ушла обратно в комнату.

Может быть, и она неверно смотрела на вещи.

Ее глаза выбрали Гефеста, а вот ее сердце слишком рано закрылось для другого.

Она легла спать со странной улыбкой на лице...

А на следующее утро учеников Школы Добра разбудила гроза – с черными тучами, молниями и громом.

Ливень застучал в окна, а затем ветер принес записки, которые врезались в каждое окно, — эдикты на пергаменте, украшенные колючками. Приказ Директора школы.

Снежный бал.

Его перенесли на более раннее время.

Он состоится *сегодня вечером*.

Глава 13

Полуодетый Райен ворвался в кабинет.

— Ты не можешь просто взять и перенести бал!

— Уже поздно, — отрезал Рафал, наблюдая, как Сториан рисует его брата, покрасневшего и промокшего. — А в чем дело? Мои никогдашники готовы. Неужели твои ученики настолько плохо подготовлены и слабы, что не смогут справиться с простыми *танцами*?

Добрый Директор взорвался.

— Не прикидывайся дурачком, Рафал! Снежный бал всегда, каждый год, устраивают в один и тот же день, а всегдашникам нужно время выбрать, кого пригласить, танцы порепетировать... Они едва учебу начали! Почти не знают друг друга! Да и вообще, твои никогдашники даже не ходят на Снежный бал. Они только устраивают розыгрыши, хулиганят и действуют всем на нервы. Они вообще не должны получать приглашений!

— Они приглашены, потому что они — неотъемлемая часть этой школы, равно как и я, как бы трудно ни было тебе это признать, — ответил Рафал. — Я решил, что дату нужно изменить, а ты был слишком занят — плавал в пруду...

— Я *всегда* плаваю в это время...

— ...а мне не хотелось ждать, так что я издал эдикт на правах Директора школы — я ведь до сих пор Директор школы, правильно?

Райен шумно вдохнул.

— Ты сделал это только потому, что Аладдин заставил эту девочку снова обратить на него внимание, и, если дать ему больше времени, он заслужит ее любовь и разрушит заклинание. А это значит, ты знаешь, что сказка Сториана закончится тем, что Добро победит, а ты останешься в дураках, какие бы идиотские поступки ты ни совершал, пытаешься испортить историю.

— А ты что, не пытался ее испортить? Ты вмешивался не меньше моего. — Рафал тоже начинал злиться. — Кроме того, как ты и сказал, всегдашники буквально *живут* ради балов. Так зачем же откладывать? Не вижу никаких причин ждать. Давайте все предадимся духу любви. Ты ведь этого хочешь, да? Чтобы Зло стало больше похоже на Добро. А я — больше похож на *тебя*.

— Хватит. Дело не в мальчишке и не в бале. Дело в том, что ты попытался доказать, что знаешь больше, чем перо, и тебя проучили. — Райен сердито посмотрел на него, разглаживая на себе рубашку. — Я все отменяю.

Он повернулся к двери...

Оттуда доносился хаос звуков: крики, вопли, раскаты грома.

Братья переглянулись... и стремглав выбежали из кабинета.

Стоя на лестнице, они смотрели, как девочки и мальчики-всегдашники носятся по коридорам, держа в руках стопки тюли, шелка и атласа, врезаясь друг в друга, словно безголовые куры, и крича во все горло:

– Снежный бал! Снежный бал!

Рафал ухмыльнулся брату-близнецу.

– Как я и сказал... уже поздно.

Глава 14

Когда на подготовку к Снежному балу дают всего несколько часов, а не недель или месяцев, приходится идти на жертвы.

Первой жертвой становится мода. Нет времени, как обычно, заказать наряды у знакомых швей; мальчикам и девочкам приходится справляться своими силами, и результат далеко не всегда устраивает профессора Мэйберри. («Это костюм!» – настаивает Руфиус. «Это пижама!» – рявкает Мэйберри.) Страдает и разбиение на пары. Мальчики приглашают не тех девочек, которых хотели бы, потому что девочки начинают паниковать и принимают предложение первой попавшейся особы мужского пола, у которой бьется сердце, поскольку боятся, что их не пригласит больше вообще никто. Слабые и тщедушные мальчики пользуются этой паникой, чтобы заполучить девочек, которые обычно им бы отказали, а более красивые и привлекательные мальчики нервничают, потому что «их» девочек уже разобрали, и уже им приходится приглашать первых попавшихся. В общем и целом выходит, что никто не доволен ни своей парой, ни своей одеждой, ни одеждой партнера, так что парад парочек в направлении танцевального зала – обычно впечатляющее и веселое событие под аккомпанемент оркестра сверчков – на этот раз по настроению больше напоминал групповой поход к зубному.

Но затем двери открываются, и все видят убранство зала – разноцветную Страну Игрушек с огромными оловянными солдатиками, танцующими плюшевыми мишками и украшенный гирляндами рождественский поезд на железной дороге. Волшебный снег падает с крыши и превращается в конфетти на танцполе, а стены поблескивают синим льдом. Поговаривают, что зал украшал лично Добрый Директор, что несколько оживляет обстановку и напоминает всегдашникам, как им повезло оказаться здесь, в школе, где готовят героев, и их долг как знаменосцев Добра – не только выжимать максимум из любой ситуации, но и быть за это благодарными. Их единство лишь крепчает, когда в зал врываются ученики Школы Зла, чтобы устроить традиционный розыгрыш, но он в этот раз выходит слабым – они кидают на танцпол стеклянные шарики, но их быстро сметают в сторону зачарованные метлы. Никогдашники убегают – им, как и всегдашникам, явно пришлось планировать буквально на бегу.

А что касается Аладдина и Гефеста... возможно, вы удивились, почему они, эта пара, самая важная для всей истории, еще не были упомянуты, но на самом деле о них сказать еще нечего, потому что они опаздывают.

– С меня штаны сваливаются! – проворчал Аладдин, подтягивая их за пояс в отчаянной попытке поспеть за своим партнером. – Уточнение: *твои* штаны!

– Как ты вообще поступил в школу без нормальной одежды? – спросил Гефест. Он бежал впереди, одетый в изумрудно-зеленый дублет и идеально подходящие по размеру брюки.

– Меня похитили! Я вообще не должен был тут учиться! – крикнул Аладдин, на ходу застегивая одолженный красный жилет. – Это все глупости. Зачем мы идем на какие-то тупые танцы? Пусть они отплясывают на своем дурацком балу, а в нашем распоряжении будет все остальное здание!

– Говоришь как настоящий никогдашник, – поддразнил его Гефест. – Поторопись!

– Да ладно тебе, Геф. Давай лучше захватим столовую. Я могу уговорить кастрюли приготовить нам картошку с рыбой...

– Если мы не успеем до первого танца, нас *превратят* в картошку с рыбой! – воскликнул Гефест, ускоряя шаг.

Аладдин вытаращил глаза.

– Первого *танца*?

Гефест резко свернул за угол и буквально подлетел к залу. Аладдин наконец нагнал его, и ребята распахнули двери...

Мимо них в изящном вальсе скользили парочки. Всегдашники, одетые в зимние цвета, словно бутоны рождественских роз, кружились и вертелись во все стороны.

То был худший кошмар Аладдина, и все стало еще хуже, когда он увидел, с каким восторгом Гефест смотрит на танцующие парочки. Аладдин схватил его за руку и отвел к банкетному столику в углу, ломившемуся от разноцветного сахарного печенья и кувшинов с ароматизированным молоком.

– Неплохой улов у Кимы, – заметил Гефест, по-прежнему не сводя глаз с танцующих. – Абрам – четвертый в очереди на престол Фоксвуда.

Аладдин тоже посмотрел в ту сторону и увидел Киму в малиновом платье с короткими рукавами и шелковыми рюшами. Она танцевала с румяным коренастым светловолосым мальчиком.

– Четвертый в очереди? – пробормотал Аладдин, набив рот печеньем. – Много кому придется помереть, прежде чем он сядет на трон.

Гефест сердито глянул на него.

– По крайней мере, он танцует.

– Танцы – это для обезьян, – мрачно сказал Аладдин и отхлебнул бананового молока.

– Ты только что назвал обезьяной моего брата, – потому что он танцевал со мной по вечерам, репетируя свое выступление на балу, думая, что сюда возьмут его, а не меня, – парировал Гефест. – Давай, Аладдин. Станцуем один танец. Как можно сказать «мы сходили на бал», если мы даже не танцевали друг с другом?

– В тебе говорит заклинание, – фыркнул Аладдин.

– Какое заклинание?

Аладдин, набравшись смелости, посмотрел Гефесту в глаза. Больше врать было нельзя.

– Так... слушай. Помнишь волшебную лампу, которую я принес на церемонию Приветствия? Ну, это... – Он глубоко вздохнул. – Я украл ее обратно из кабинета декана Хамбурга, вызвал джинна и пожелал, чтобы Кима влюбилась в меня, но джинн был проклят и заставил тебя переключиться на меня. Так что все твои чувства ко мне ненастоящие.

Он испуганно отступил в угол, ожидая мщения.

Гефест с любопытством посмотрел на него, потом пожал плечами.

Аладдин застонал.

– Геф, ты меня даже не знаешь.

– Я знаю, что ты прикусываешь губу, когда пытаешься блефовать в покере, – ответил Гефест. – Я знаю, что ты всегда оставляешь от сэндвича с сыром маленький кусочек, даже если потом начинаешь есть следующий. Я знаю, что ты слишком много ходишь на цыпочках, и когда ты бегаешь, это выглядит особенно забавно. Я знаю, что ты предпочитаешь перезрелые бананы, слишком крепкий чай и слишком низеньких девчонок, потому что, если рядом нет Кимы, ты заглядываешься на Фарину, а она ростом с эльфа. Еще я знаю, что тебе не нравится мой смех, потому что ты вздрагиваешь каждый раз, когда я начинаю смеяться. Наконец я знаю, что ты любишь танцевать, потому что ты в гостиной сделал шимми⁶, когда мы с ребятами дурачились, играя на литаврах. Ну да, совсем я тебя не знаю, ага.

Аладдин уставился на Гефеста, на его губах налип сахар. Он поднял вверх палец.

– Я бегаю *не забавно*.

– Я не могу понять, на кого ты больше похож: на балерину или на грабителя, который пытается тайком сбежать из банка.

– И что с того, что мне нравятся невысокие девочки? Ты вообще первый за Кимой приударил! – Аладдин оперся о стену и покраснел. – Все то хорошее, что вы видишь во мне... Когда проклятие снимут, ты вообще не захочешь иметь со мной ничего общего, не говоря уж о дружбе. Все это исчезнет.

Гефест задумался над его словами.

– Ну, если ты действительно наложил на меня чары, то ты, наверное, прав. Первое, что я сделаю, – врежу тебе прямо по твоему красивому лицу. Так что лучше надейся, что заклинание будет действовать вечно.

Аладдин смог лишь улыбнуться в ответ.

Сверчки заиграли оживленное рондо, и Аладдин сам не заметил, как начал притопывать и подергивать плечами в такт. Гефест внимательно разглядывал его.

Аладдин застонал.

– О боже. Ладно. Ладно! Но только потому, что ты репетировал...

Гефест схватил его за руку и вытащил на танцпол. Аладдин пытался следовать за ним, крутясь то в одну, то в другую сторону, но каждый второй шаг оказывался невпопад.

– Я вообще не понимаю, что делаю! – крикнул Аладдин.

– Ты танцуешь! – засмеялся Гефест.

– Ты прав. Мне действительно не нравится твой смех! – сказал Аладдин.

От этого Гефест засмеялся еще громче.

Вскоре начал смеяться и Аладдин, безуспешно пытаясь поспеть за другими парами, скакавшими по залу. Сверчки играли все быстрее и быстрее, движения Гефеста были плавными и уверенными, а Аладдин выглядел как еле ковыляющий дурачок, но чем хуже он танцевал, тем шире улыбался, чувствуя себя в полной безопасности рядом с лучшим другом. И лишь когда музыка закончилась слишком рано, и вся скорость и волнение исчезли в трелях флейт, и они с Гефестом остановились, он понял, что все остальные пары остановились и смотрят на них.

Тишина становилась все пронзительнее. Под ногами хрустели снежные конфетти. Всегдашники разглядывали Аладдина. И впервые в их взглядах не было ни подозрительности, ни превосходства – только искреннее восхищение, словно он только

что доказал, что достоин не просто учиться в Школе Добра, но и стать ее заслуженным лидером.

Кима выбралась из толпы, даже не оглянувшись на Абрама.

Она подошла к Аладдину и протянула ему руку.

– Можно станцевать с тобой следующий танец? – спросила она.

Аладдин улыбнулся и посмотрел на Гефеста.

Тот по-дружески сжал его руку, потом отошел.

Сверчки заиграли медленный таинственный вальс, Аладдин положил руку на талию Кимы и попытался вести ее в танце, как мог, а остальные пары вращались вокруг них. Киму, похоже, не волновало ни то, что он никак не может попасть в ритм, ни то, что он периодически наступает ей на ноги. Ее темные глаза смотрели прямо в его глаза.

– Ты впечатлил меня, Аладдин из Шазабы, – сказала Кима.

– Потому что я танцую с тобой, одетый в штаны твоего парня? – спросил Аладдин.

– Потому что ты не стесняешься признать свою неправоту.

– Я не мог позволить Гефесту умереть от голода.

– Расскажи мне о чем-нибудь, что тебя в нем удивило. Что-нибудь, чего не знаю я.

– Он раскладывает одежду в шкафу по цветам.

– Это... неожиданно. Расскажи что-нибудь еще.

– У него есть собственная корзинка с мылом, которым он пользуется вместо школьного. Говорит, что у него очень чувствительный нос, и свое мыло нравится ему больше.

– А как оно пахнет?

– Да так же, как школьное.

Кима засмеялась.

– Если бы ты был собой, когда мы познакомились, а не пытался выпендриться своей дурацкой лампой, между нами все было бы куда проще.

– А так твой истинный возлюбленный не смотрит на тебя, – ответил Аладдин.

Кима огляделась, чтобы убедиться, что Гефеста нет поблизости.

– Он не мой истинный возлюбленный, – сказала она. – И дело не только в этом. Ты сумел выпутаться из невозможной ситуации. А еще ты, в отличие от других мальчиков, готов к любым неожиданностям. Гефест вел себя словно он уже мой парень, даже до того, как мы познакомились. Словно нас вместе свела судьба. А Абрам после одного-единственного танца уже говорит о свадьбе, потому что союз принцессы Мейденвейла и принца Фоксвуда – хороший повод заключить союз между нашими королевствами. У Добра есть привычка – заранее предполагать, как все *должно* пойти. Именно поэтому Зло в половине случаев побеждает. Мы слишком заняты предвкушением «жили они долго и счастливо» и из-за этого промахиваемся мимо хороших концовок.

Аладдин улыбнулся.

– Если бы я знал, что эта история закончится тем, что Гефест станет моим лучшим другом, а тебя я буду обнимать в танце, то попросил бы у этого фальшивого джинна больше желаний.

– Твое желание ведь исполнилось? – спросила Кима.

– Не могу сказать, – ответил Аладдин. – Это секрет.

Глаза Кимы заблестели.

– Ну, тогда мне надо убедиться самой.

Она встала на цыпочки и приблизила свои губы к его губам...

ХЛОП! В зале сверкнула молния, снег вдруг завихрился и превратился в странную темную маску, которая насмешливо посмотрела на юную парочку. А потом, словно дракон, выдохнула поток морозного воздуха, поваливший всегдашников на пол.

Когда Аладдин пришел в себя и кое-как поднялся на колени, он увидел, как рождественский поезд, окруженный трещащими молниями, сошел с рельсов и понесся прямо на...

Киму.

Но она еще сидела на полу, оглушенная, не понимавшая, что происходит.

Аладдин вскочил на ноги и со всех ног бросился к ней. Его принцесса повернулась и увидела, как он летит на нее, отбрасывает ее с дороги...

Поезд врезался в Аладдина, отбросил его к стене. Он ускорялся, все быстрее и быстрее, готовый раздавить его в лепешку в углу...

Луч золотого света ворвался в зал и ухватил поезд, словно арканом, отшвырнув непокорное транспортное средство высоко в воздух. Освещенный золотым ореолом, укрощенный поезд завис над ничего не понимающими всегдашниками... а потом с грохотом рухнул назад на рельсы. «Рождественский экспресс» продолжил свой веселый путь, а потом его музыка смолкла, и он рухнул на бок, словно маленький ребенок, который слишком долго бегал и веселился.

Все бросились к Аладдину. Мальчик, истекая кровью, лежал у стены. Кима, растолкав толпу, бросилась к нему...

– Аладдин! – закричала она.

Он приоткрыл глаза и сумел слабо улыбнуться.

Кима вздохнула с облегчением.

– Ты в порядке?

– Не считая того, что меня сбил поезд? – спросил Аладдин.

– Не считая этого, да.

– Мне бы не помешал еще один поцелуй.

– Поезду он явно не понравился.

– Он может переезжать меня сколько хочет, если это значит, что ты меня снова поцелуешь.

– Ну хорошо, уговорил. Давай поставим тебя на ноги.

Она вместе с другими всегдашниками помогла ему подняться. Аладдин сумел удержаться на ногах; он не сводил восхищенного взгляда со своей принцессы.

– Подожди-ка, – сказал он. – А где Гефест?

Все медленно развернулись.

Гефест стоял посреди танцпола, его смуглое точеное лицо освещал холодный свет.

– Аладдин, – проговорил он. – Почему на тебе *моя одежда*?

Он уставился на Киму, стоявшую рядом с Аладдином.

– И почему с тобой *моя девушка*?

– Ты о чем? – начал было Аладдин.

Но потом он увидел глаза Гефеста.

Свирепые. Гневные.

У него больше не было лучшего друга.

– О нет, – прохрипел Аладдин. – Заклинание. Оно...

Он не успел закончить фразу.

Гефест свалил его на пол ударом кулака.

Глава 15

Золотой луч ворвался в кабинет Директоров школы и опустился на пол, превратившись обратно в своего создателя.

– Пытаешься убить моих учеников после того, как они переиграли тебя в твоей же игре? – закричал Райен. – Это низко даже для тебя. Попытавшись заполучить душу мальчишки, ты растлил свою душу.

Его брат ничего не ответил.

В кабинете повисла тишина. Даже Сториан прекратил свои труды.

Райен разозлился еще больше. Он бросился в спальню.

– Если Зло пытается перейти границы, Добро от этого становится лишь сильнее. Любая твоя попытка навредить моей школе лишь ослабляет твою. Мы не такой договор заключили, когда стали Директорами школы. Наши узы крепче, чем ожесточенное соперничество и стремление к чему-либо, кроме равновесия. Потому что нет никакого иного исхода, кроме равновесия, Рафал. Равновесия, которое поддерживает наша школа. Наша братская любовь. Желать чего-то большего – значит накликасть на нас беду...

Он распахнул дверь.

Внутри никого не было. Лишь от задутых свечей поднимался дымок.

А у него за спиной снова заскрипел Сториан.

Райен подошел к перу и увидел, что оно рисует... его самого.

Добрый Директор смотрел в свои собственные глаза. А перо написало две последние строчки, закончив сказку.

Сто лет два брата правили как один.

Но теперь одному пришлось править за двоих.

Райен оглядел опустевшую комнату.

– Рафал? – прошептал он.

Но ответом ему был лишь порыв холодного ветра из окна.

Часть II. Чем заменить любовь

Глава 1

– Выше! – крикнул Райен с земли.

Волки, похоже, были готовы сбросить кирпичи прямо ему на голову. Они посмотрели вниз с лесов и, ворча, начали поднимать на лебедках горы стекол – так высоко, что казалось, они исчезли прямо в солнце. Затем волки вытянули шеи и недовольно посмотрели на Райена.

– Еще выше! – сказал Добрый Директор.

А потом сбежал, прежде чем они успели как-то отреагировать.

Когда он только нанял волков для строительства новой школы, то сказал, что будет просто небольшое улучшение – он слегка подновит школу, пока брата нет. Но Рафал не возвращался, и с каждым новым днем Райен придумывал все новые планы ремонта замка, делал его все больше и грандиознее, заставлял волков работать все прилежнее, все быстрее, словно постройка новой школы превратилась в попытку отомстить брату-близнецу. Стройплощадка стала такой огромной, что накрывала своей тенью всю старую школу; ученики по-прежнему ходили туда на занятия, носились по коридорам и настороженно разглядывали новый строящийся замок в окна.

Райен вернулся в старый особняк и поднялся по лестнице мимо Аладдина и Кимы; влюбленные даже прервали поцелуй, чтобы учтиво кивнуть Доброму Директору, прежде чем присоединиться к стайке всегдашников, идущих на занятия. После Снежного бала прошло полгода, но маленький воришка и принцесса по-прежнему были вместе – хорошее напоминание, что Сториан неплохо разбирается в сказках о любви. Несколько никогдашников окинули Райена скептическими взглядами – таких же взглядов он удостоивался все предыдущие шесть месяцев, словно это из-за *него* Злой Директор пропал.

Райен поднялся в кабинет, который когда-то делил с Рафалом. Закрыв дверь, он прислонился к ней и глубоко вздохнул.

На самом деле пропажа брата беспокоила его не меньше, чем никогдашников.

Сначала, сразу после Снежного бала, Райен решил, что пусть Рафал просто подуетея немного, как ребенок, устроивший истерику. Он думал, что Рафал вернется, когда история с Аладдином отойдет в прошлое, и забудет о своем уязвленном самолюбии. Они, конечно же, ссорились и раньше, расходились по разным углам, чтобы зализать раны, но долг – управлять школой и защищать Сториана – сводил их обратно уже через день-другой. Они любили друг друга, и братская любовь была крепче других чувств. Вот почему перо избрало их Директорами школы – они были верны друг другу, а не определённой стороне, вне зависимости от того, что стояло между ними.

Но прошло несколько недель, потом месяц, и Райен начал подозревать, что случившееся было не простой размолвкой. Он сказал учителям и ученикам, что Рафал отправился в экспедицию на поиски душ, чтобы отобрать для будущей учебы самых талантливых никогдашников: Добро одержало целую серию побед, и ее нужно было прервать. Объяснение звучало правдоподобно. Но Райен знал правду. В сказке об Аладдине Сториан опозорил его брата-близнеца на глазах у всех читателей, впервые выбрав определенную сторону.

Рафал мог много чего вынести.

Но не унижение.

Гордость была его слабым местом.

А теперь она стала еще и колючкой в розе их братских чувств.

А это значит, что Райену придется проглотить собственную гордость, чтобы вернуть его.

Он написал письма правителям Всегда и Никогда, спрашивая, не слышали ли они о прибытии Рафала в их земли, но никаких новостей не получил. Тогда он нанял бригаду фей из страны Гилликинов⁷, чтобы они обыскали леса и холмы к северу от школы, – но и это оказалось безуспешным. Он даже посетил в Бормочущих Горах ведьму, владевшую всевидящим хрустальным шаром, но Рафал оставался неуловимым, словно растворился в воздухе.

Райен ждал удара от брата: какого-нибудь требования, захвата заложников или мстительного заговора против него самого или Сториана...

Но ничего так и не последовало.

Тогда Райен разозлился. *«Что за избалованный, грубый негодник»*, – подумал он. Бросил брата, бросил своих учеников, бросил Зло в беде, чтобы Добро его спасало... В душе Райена разыгралась настоящая буря. Его вторая половина когда-то была такой предсказуемой, настолько неотделимой частью его самого, а теперь казалась ему совершенно незнакомой. Он не мог уснуть – его будили приступы страха, сжимавшие грудь и заставлявшие колотиться сердце...

Но, может быть, так будет и лучше, пытался убедить себя Райен, пока проходили недели. Рафал в конце концов вернется. Иначе Сториан бы уже наказал их – лишил бессмертия или призвал нового Директора школы им на смену. Братская любовь никуда не делась. Равновесие не нарушилось. Ну а пока Райен будет управлять обеими школами без обычных ссор и провокаций. Может быть, ему даже удастся по-настоящему примирить учеников. Он, конечно, не будет *вмешиваться* в дела Зла, но под его руководством никогдашники станут лучше, чем раньше. *«Просвещенное Зло»*, – раздумывал Райен. Разве это не заставит и всегдашников подняться на совершенно новый уровень? Две стороны будут усиливать друг друга, обе – в его власти.

Уважение. Прогресс. Баланс.

В руках одного Директора школы, а не двух.

Райен улыбнулся этой мысли, выглянув из окна кабинета на строящийся замок – замок, который, как он уверял себя, строился из лучших побуждений... начать заново... сделать шаг в будущее...

Но постепенно улыбка Доброго Директора увяла, а грудь снова сжало.

Даже все мысли мира не могут приглушить одного чувства.

Чувства, что без злого брата в нем самом чего-то не хватает.

Что без Рафала и он сам утратил равновесие.

4.Петер Штумпф (ум. 1589) – немецкий фермер-маньяк. На его счету не менее 16 жертв, в основном дети. На суде признался, что практиковал черную магию и считал себя оборотнем. Казнен.

5.Стрит-флеш – в покере пять карт одной масти, значения которых идут по порядку.

6.Шимми – танцевальное движение, когда плечи двигаются вперед и назад, как будто танцор пытается снять с себя рубашку.

7.Страна Гилликинов – вымышленная страна, расположенная на севере страны Оз в серии историй американского писателя Френка Баума.